

Растительные и машинные метафоры в исследовании культуры и сознания

О. С. Борисов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Аналогия растительных и машинных метафор как конструктов дискурса в исследовании культуры и сознания ставит вопрос соотношения живых и автоматизированных процессов, характерных как для культуры, так и для сознания. Живые системы подчинены естественному отбору, автоматизированные – детерминированы. Сопоставление Вселенной с часовым механизмом, который заводит Часовщик, и способность разума этот механизм разобрать, чтобы понять, как он устроен, расширяют рассмотрение животных как автоматов и механистическое понимание работы мозга, совершая разрыв между декартовым *сogito* (вневременным) и протяжённостью. Если мы в состоянии деконструировать вещь, то сознание, не будучи вещью, ускользает от деконструкции. Поскольку сознание – процесс, то оно не поддаётся иному описанию, кроме метафорического или символического. Имеет ли символическое физическую природу – это остаётся проблемой.

Содержание. В статье рассматриваются некоторые аспекты растительной и машинной метафоры в контексте исследования культуры при решении проблемы соотношения мозга и сознания. Растительная метафора маркирует культуру как живую систему. На определённом этапе развития культура воспроизводится в механистических формах. Однако структурная фрактальность (нелинейность) культуры позволяет совмещать любые точки дерева-корня и ризомы-канала. В лабиринте мертвых форм (машинная сеть конечных автоматов) может происходить «машинная сборка» желаний, разблокирование тела без органов (ризомы-карта как конструирование а-централизованного бессознательного). Механистическая структура мозга уподобляется компьютеру или роботу. Однако не мозг подобен машине, а машина – мозгу. Мозг работает по модульному принципу относительно локализованных нейронных сетей принятой в технике иерархической архитектуры. Сигналы передаются между модулями разных уровней, консолидируясь в верхних слоях, вплоть до тех, на которых каждый независимый модуль может генерировать собственную форму сознания. Сознательный опыт кажется цельным и единым, благодаря слаженной работе множества модулей мозга, функционирующих параллельно. Каждый из них, выпуская на поверхность свой конечный продукт, в конкуренции с другим создаёт ощущение непрерывного движения потока, и этот плавный поток сознания есть иллюзия. Сам мозг не имеет централизованной системы, с которой можно было бы ассоциировать единство сознания. Неделимость сознания порождается организмом как живой системой, обладающей собственной врожденной способностью к произвольным действиям.

Возникает проблема соотношения живой и неживой систем. Принцип дополненности укоренился в физике, однако для объяснения разрыва между психикой и мозгом его используют редко. Человека можно рассматривать одновременно находящимся

[50]

в двух мирах: на микро- и макроуровне, в двух слоях реальности. Как и в любой сложной системе, каждый слой имеет свой протокол – на атомном уровне действуют статистические законы, а более крупные системы функционируют по законам Ньютона. Квантовые системы демонстрируют один из двух типов поведения: волновое и корпускулярное. Фотон и электрон имеют двойную природу. Теория многослойной архитектуры предлагает своё решение проблемы разрыва, учитывая, что между генотипом и фенотипом тоже есть разрыв (код и копирование). И в нейронных сетях существуют объекты с двойной природой – они несут в себе символическую информацию, выстраиваемую по производным правилам, но вместе с тем обладают материальной структурой и подчиняются законам физики. Предположение американского нейропсихолога Р. Сперри о физической сущности ментальных способностей и включенности их в цепь событий, которыми обусловлено поведение, говорит о том, что явления психики есть следствия конфигурационных свойств соответствующего нервного субстрата, обладающего как физической, так и символической структурой. Субстрат контролирует то, что конструирует – психическое явление, а физические символы контролируют конструирование.

Выводы. Кроме растительных и машинных метафор, или терминов, отсылающих к этим метафорам, у нас нет средств, чтобы описать функциональность культуры и сознания. Однако можно сделать общие предварительные выводы. Сознание – это способность конструировать символическую информацию в определённом пространственно-временном срезе бытия, когда получаемые из разных структур мозга сигналы конфигурируются в определённое целое. Это создаёт иллюзию постоянного единства сознания и отсылает к предполагаемому центральному кластеру мозга. Однако сознание – везде и нигде, и в зависимости от выполняемой задачи модули или группы модулей консолидируются в момент обработки информации, конкурируя между собой, чтобы сформировать произвольно-определённый значимый результат (понимание). Этот процесс воспринимается как всплеск или всплох (позиция-импульс предметности, получившей форму в виде кодированного набора элементов). Далее сознание инстинктуально автоматически развёртывается в собственной логике конфигуративных элементов, определяющих поведение (или мышление) до тех пор, пока не исчерпает заряд энергия-времени своего развертывания. Это может разрешиться катарсическим сценарием, или же, столкнувшись с ограничением, сознание получит иной импульс и сценарный ход (свёртываясь в сегментах памяти, сознание вызовет эффект отложенного действия). Из резервуара сознания при разных порядках, условиях и вызовах, может разворачиваться либо виртуальный (ментальный), либо поведенческий компенсаторный сценарий.

Компьютерная метафора продуцирования мозгом сознания неверна, поскольку компьютер работает по законам классической (ньютоновской) физики, соблюдая принцип детерминизма. Но сознание подчинено принципам квантовой механики, в смысле статистической модели, и принципу дополненности. Сознание работает с символами и требует кодировщика и декодера, которым само и является, подобно клетке как биосимбиотической системе, способной менять свой код, в отличие от компьютера, требующего программиста.

Развитие культуры подчиняется тому же принципу: культурный взрыв открывает план нормирования своих форм и их действенный сценарий, культурный герой является программистом, который пишет код с открытой системой (ценностно-регулятивные конструкции, по которым культура развивается), это дает способность системе меняться. Однако самовоспроизводство и холодное копирование (автоматизация ставших обмерщвленными форм) в ситуации новых вызовов продолжается, если не пересмотрен код.

Ключевые слова: гештальт, габитус, ризома, растение, машина, мозг, сознание, принцип дополненности.

Для цитирования: Борисов О. С. Растительные и машинные метафоры в исследовании культуры и сознания / О. С. Борисов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 49–70. DOI 10.35231/18186653_2022_3_49

Plant and machine metaphors in the study of culture and consciousness

Oleg S. Borisov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The analogy of plant and machine metaphors as constructs of discourse in the study of culture and consciousness raises the question of the ratio of living and automated processes characteristic of both culture and consciousness. Living systems are subordinate to natural selection, automated systems are deterministic. The juxtaposition of the universe with the clockwork that the Watchmaker starts, and the ability of the mind to disassemble this mechanism in order to understand how it works, expand the consideration of animals as automata and a mechanistic understanding of the brain, making a gap between Cartesian cogito (timeless) and extension. If we are able to reconstruct a thing, then consciousness, not being a thing, escapes deconstruction. Since consciousness is a process, it cannot be described in any other way than metaphorical or symbolic. Whether the symbolic has a physical nature remains a problem.

Content. The article discusses some aspects of the plant and machine metaphor in the context of the study of culture in solving the problem of the relationship between the brain and consciousness. The plant metaphor marks culture as a living system. At a certain stage of development, culture is reproduced in mechanistic forms. However, the structural fractality (non-linearity) of the culture allows you to combine any points of the tree-root and rhizome-channel. In the labyrinth of dead forms (a machine network of finite automata), a "machine assembly" of desire can occur, bodies without organs can be unblocked (a rhizome map as the construction of a centralized unconscious). The mechanistic structure of the brain is likened to a computer or a robot. However, it is not the brain that is like a machine, but the machine is like a brain. The brain works according to the modular principle with respect to localized neural networks adopted in the hierarchical architecture technique. Signals are transmitted between modules of different levels, consolidating in the upper layers, up to those on which each independent module can generate its own form of consciousness. Conscious experience seems to be whole and unified, thanks to the coordinated work of many brain modules functioning in parallel. Each of them, releasing its final product to the surface, in competition with the other creates a feeling of continuous flow, and this smooth stream of consciousness is an illusion. The brain itself does not have a centralized system with which to associate the unity of consciousness. The indivisibility of consciousness is generated by the organism as a living system with its own innate ability to arbitrary actions.

There is a problem of the ratio of living and inanimate systems. The principle of complementarity is rooted in physics, but it is rarely used to explain the gap between the psyche and the brain. A person can be viewed as simultaneously being in two worlds: at the micro and macro levels, in two layers of reality. As in any complex system, each layer has its own protocol – statistical laws apply at the atomic level, and larger systems function according to Newton's laws. Quantum systems exhibit one of two types of behavior: wave and corpuscular. Photon and electron have a dual nature. The theory of multilayer architecture offers its own solution to the gap problem, given that there is also a gap between the genotype and the phenotype (code and copying). And in neural networks, there are objects with a dual nature – they

[52] carry symbolic information built according to arbitrary rules, but at the same time they have a material structure and obey the laws of physics. The assumption of the American neuropsychologist R. Sperry on the physical essence of mental abilities and their inclusion in the chain of events that determine behavior, says that the phenomena of the psyche are the consequences of the configuration properties of the corresponding nervous substrate, which has both a physical and symbolic structure. The substrate controls what it constructs – the psychic phenomenon, and the physical symbols control the construction.

Conclusions. Apart from plant and machine metaphors, or terms referring to these metaphors, we have no means to describe the functionality of culture and consciousness. However, general preliminary conclusions can be drawn. Consciousness is the ability to construct symbolic information in a certain space-time slice of being, when signals received from different brain structures are configured into a certain whole. This creates the illusion of a permanent unity of consciousness and refers to the supposed central cluster of the brain. However, consciousness is everywhere and nowhere, and depending on the task being performed, modules or groups of modules are consolidated at the time of information processing, competing with each other to form an arbitrarily defined meaningful result (understanding). This process is perceived as a splash or a flash (a position is an impulse of objectivity, which has received a form in the form of a coded set of elements). Further, consciousness instinctively automatically unfolds in its own logic of configurative elements that determine behavior (or thinking) until the energy-time charge of its deployment is exhausted. This can be resolved by a cathartic scenario, or, faced with a limitation, consciousness will receive a different impulse and scenario course (by folding in memory segments, consciousness will cause the effect of deferred action). From the reservoir of consciousness, under different orders, conditions and challenges, either a virtual (mental) or behavioral compensatory scenario can unfold.

The computer metaphor of the brain producing consciousness is incorrect, because the computer works according to the laws of classical (Newtonian) physics, observing the principle of determinism. But consciousness is subject to the principles of quantum mechanics, in the sense of a statistical model, and the principle of complementarity. Consciousness works with symbols and requires an encoder and decoder, which it is, like a cell as a biosemiotic system capable of changing its code, unlike a computer that requires a programmer.

The development of culture follows the same principle: a cultural explosion opens up a plan for rationing its forms and their effective scenario, a cultural hero is a programmer who writes code with an open system (value-regulatory constructs by which culture develops), this gives the system the ability to change. However, self-reproduction and idle copying (automation of forms that have become mundane) in a situation of new challenges continues, unless the code is revised.

Key words: gestalt, habitus, rhizoma, plant, machine, brain, consciousness, complementarity principle.

For citation: Borisov, O. S. (2022). Rastitel'nye i mashinnye metafory v issledovanii kul'tury i soznaniya [Plant and machine metaphors in the study of culture and consciousness]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 49–70. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_3_49

Введение

Человеческое начинается тогда, когда возникает потребность конструировать пространство своего своего бытия. Осмысление проблемы человека всегда фундировалась сдвигом культурной парадигмы. Из чего складывается *пространство человеческого*, из каких элементов возникает его конфигурация?

Конфигурация пространства – это слаженное психосоциальное поле напряжённости, конструктивные особенности которого требуют упреждающего запуска, в результате чего какой-то новый процесс приводится внутренним движением элементов в такую структуру, которая в определённый момент начинает воспроизводить сама себя. Это универсальный процесс, раскладывающийся на этапы запуска, производства и воспроизводства. Последнее в своём повторении образца и в какой-то определённый момент этого повторения производит сбой всего циклического движения, чтобы распастыся на составляющие элементы, один из которых может стать драйвером, запускающим новую конфигурацию. Однако окружность этого циклического движения идеальна. Иными словами, кругообразное движение упрощается до геометрически правильной формы, пренебрегая деталями процессуальности и конфигурирования, и то, что всегда упускается из виду в этой модели – случай – становится источником преломления изменений, отбрасывая новую ветвь.

Вероятно, причина движения (Перводвигатель) есть Начало, есть тот самый элементарный Агент, который конструирует из себя и формобразует вокруг себя, став центром конфигурации, новую структуру, располагая элементы в таком наборе (например, методом перебора), который будет отвечать источнику своего исхода как целевая причина.

Содержание исследования

Мы знаем некоторые примеры растительной метафоры, например у Данилевского, Шпенглера, Бурдьё, Делёза. Развитие культуры естествоиспытателем Данилевским уподобляется одноплодному растению, где период роста и созревания (развития из семени) намного превышает период плодоношения (расцвета). Из этого семени, как из свёрнутой конструкции, раскрывается то единственное, что в ней уже заложено, – определённый габитус. Шпенглер постулирует гештальт, первоэлемент, который воспроизводится (воспроизводит себя) в разных формах локальной культуры, и различные типы культур категориально не взаимодействуют между собой, имея изначально свой собственный гештальт. По Данилевскому, «пересадка», «прививка», «прополка» являются способами взаимодействия между культурами.

Однако, последний инструментарий («прополка» и «пересадка»), об использовании которого свидетельствуют примеры и факты истории, показывает не столько способы позитивного взаимодей-

|54|

ствия, сколько их неудачу (прополотое зарастает, пересаженное не приживается). Конкуренция имеет смысл только тогда, когда основывается на встроенных внутренних мотивах самовоспроизводства и самоутверждения, опирающихся, с одной стороны, на культурный код, с другой – при столкновении в пространственно-временном поле с Иным – на то, что его корректирует в конструировании новых форм адаптации. Трансмиссия от внешней формы (габитус) всегда становится привлекательной, как расцветка у самцов *стимулирует к воспроизводству в рамках одного вида* (инстинкт). Гибриды же оказываются, как называлось в русском языке XVIII в., «ублюдками» (от «блудить»). Междуродовые гибриды, как правило, бесплодны и не могут производить потомство. Возможность искусственного получения гибридов предположил немецкий учёный Рудольф Камерариус в 1694 г. Подобная селекция – давняя идея, но получение и передача формы вне проникновения в ее сущность, без необходимости приятия, т. е. поверхностно, не усваивается, поскольку не становится прикровенным.

Согласно Эмпедоклу, есть четвероякий корень (земля, вода, огонь, воздух), соединение (любовь) и разделение (вражда); сначала произошли части тела и органы, далее они произвольным образом соединялись в организмы, и выжили наиболее приспособленные из них: «там были головы без ушей, руки без плеч, глаза без лбов, отдельные конечности, стремящиеся соединиться. Все это соединялось как попало; там были неуклюжие создания с бесчисленными руками, существа с лицом и грудью, обращенными в разные стороны, существа с туловищем быка и лицом человека, а другие существа – с туловищем человека и мордой быка. Были гермафродиты, сочетающие в себе женскую и мужскую природу, но бесплодные. В конце концов выжили только некоторые формы» (Цит. по: [10, с. 91–92]). Иными словами, мы видим обратный порядок вещей, перемену процесса от конца к началу, естественный отбор «наоборот», от выбранных фрагментов габитуса к желанной конструкции. Вырванные из контекста целого, отдельные его обрывки-части получают самостоятельное существование подобно «носу» Гоголя или «живым» относительно всего прочего «глазам» в его «Портрете». С помощью перебора, комбинирования и перелицовки героиней различных частей тела и отдельных черт характера претендентов на её руку, они, отдавшие себя в руки ее конструирования, преобразуются в идеальную модель («Женитьба»).

Фенотип всегда связан с генотипом, для того, чтобы изменить первый, необходимо изменить код. Но тут отдельные элементы, ища сущностной связи друг с другом, толкаются, как живые и мертвые души, формы соединяются и разъединяются, чтобы переорганизоваться в то, что уже известно нами как *узаконенное целое*. То, что должно быть в конце, как результат развития, рекомбинируется в исходную модель, которой должен соответствовать требуемый результат. Но обыкновенно, как у Пирогова с Пискаревым из «Невского проспекта», получается все наоборот: «все иллюзия, все не то, чем кажется»... Подобные взаимодействия частей самих-по-себе, выхваченных из единого целого и понятых как отдельные субстанции, комбинируются внешним образом, как в триптихе Босха «Сад земных наслаждений», и методом произвольного отбора (бриколаж) в отдельные моменты останавливаются, собравшись в том предельно необходимом, что только и может получиться из того кода прописанных правил, который остался неизменным для его держателя и комбинатора.

Однако, чтобы достигнуть *правильной* энтелехии, необходимо, чтобы *в начало* были положены условия, из которых логика развёртывания приводит к единственно следуемой из неё форме, подобно абсолютной идее, которая в порядке развёртывания объективировалась бы в полном своём воплощении и окончательно приняла заданную форму. Когда формы обмерщвляются (а они обмерщвляются непременно, поскольку соки, питающие их пересыхают), они механически воспроизводят сами себя в ритуале, который оказывается проформой (видимостью). Шпенглер называет этот период в развитии культуры цивилизацией и предвосхищает ее смерть.

Но есть ещё один важный аспект в становлении форм: в тот момент, когда сложившаяся форма начинает воспроизводить сама себя в силу того, что замутняется источник ее формирования, т. е. когда формы перестают отвечать тем процессам, конструкцию которых они положили, тогда ведутся поиски путей возвращения к своему истоку. Однако возвращение понимается как копирование (репликация) и воспроизводство тех связей и последовательностей, которые когда-то приводили к теперь утратившей жизненные силы форме. Жизнеспособность репликации без коррекции кода (гештальта) невозможна. Подлинное возвращение к истоку черпает там новые силы, форма же, которая выльется из этого обращения, получит другую конфигурацию, отвечающую запросу вечно меняющегося-

ся в своём жизненном порыве потока в ходе, как говорил А. Бергсон, творческой эволюции [2].

Лишь внутренние, характерные для типа/индивида, процессы, могут стать драйверами перемен, поскольку они лежат в плоскости зоны хадал (самая глубокая область океана его пелагических зон, где нет света и сильное давление; наименование относится к Аиду, древнегреческому богу подземного мира, предложено в 1956 г. океанографом Антоном Фредериком Брууном). Перемены происходят не на поверхности вод. Приливы и отливы, будучи циклами, размещают противоположные процессы по эту сторону, меняясь местами. Значимые перемены происходят из глубины. Поскольку все возвращается на круги своя, возвращается действие взбаламученного поверхностью вод источника воспроизводства. Иных источников перемен нет.

Орфей, чтобы вернуть жену, должен соблюсти условия богов – не оборачиваться назад до выхода из подземного царства. Обернувшись в нетерпении страсти, чтобы на нее взглянуть, он все потерял. Растерзанный на части Орфей должен быть пересобран, как Осирис – Изидой, и захоронен, чтобы возродиться как зерно, падшее в землю. Или – возродиться в виде орфического учения. Структура пространства как структура вод Мирового океана имеет свои водоразделы. Чтобы выйти в другое пространство, должен быть исчерпан процесс протекания предшествующего в своём пределе. Не оглядывайся! Воссоздать прошлое невозможно, можно только его исчерпать. Вернувшись, тебе никто не поверит из тех, оставшихся скованными душами там, в темнице, поскольку преобразившийся, ты забыл их язык теней.

Человек стал той ступенью в эволюционном развитии, на которой возник определённый тип конфигуративной взаимообусловленности и взаимозависимости человека и присвоенного им пространства, в отличие от иных живых существ, являющихся неотъемлемой частью и порождением солярно-планетарного ландшафта и ограниченных этим ландшафтом.

В этой взаимозависимости собирается нераздельное пространство человеческого, которое прежде не имело определённой формы, а теперь неотъемлемо вмонтировано в общее пространство, выделяя себя и в то же время составляя с ним единое целое. Сборка человеческого предполагает извлечение и пересборку. Извлекаемая Нечто из пространства, Некто должен вернуть залог сторицей, обозначив себя. Агент, исключаящий себя из пространства-1, находит

себя застывшим, оцепеневшим в холоде одиночества и той оставленности и пустоты, что окружает его нынешнюю заброшенность в мир, с которым он все-таки должен, чтобы существовать, воссоздать изначальную связь. Необходима пересборка себя-извлечённого. Результатом пересборки себя становится пространство-2. Форма этого целого иная, чем форма пространства, в которое включено другое живое существо. Животное несёт пространство как собственный панцирь – оно как рыба в воде, птица в воздухе, зверь на земле, оно двигается вместе с пространством как звёзды, которые, по представлениям греческой космологии, прикреплены к сфере и движутся вместе с ней, неотъемлемо от нее.

Субъективный аффективный опыт возник, когда древние с точки зрения эволюции системы чувств оказались связаны с примитивной разновидностью нейронной «карты тела организма», которая определяет границу между «я» и внешним миром. Исследователи мозга насекомых обнаружили, что так называемый центральный комплекс играет у них ту же роль, что и определенные части среднего мозга позвоночных, а именно генерирует «единую пространственную модель состояния и положения насекомого в окружающей среде» [4, с. 343–344].

Человек же, который еще находится в пространстве живого и изменчивого, уже вырывается в пространство умопостигаемого: постоянного и вечного. Из идеи-семени рождаются вещи. Габитус вещей самих по себе непознаваем – он комбинируется с другими вещами в правильные последовательности и структуры взаимодействия. Свернутые соки потенциалов зерна разворачиваются в габитус формы и без него не живут, так же как не живут корни без света. Выйти на свет можно посредством формы, а укорениться – когда зернисто пространство.

Когда оказывается, что Исток какой бы то ни было сконструированной формы потерян или забыт, или он был замутнён видимостью габитуса, возвращение к врождённой идеи-семени неизбежно, как неизбежно возвращение к самому себе как воспоминанию о своей сущности. Так, в китайской традиции встречается идея восстановления через породнение с Небом в соответствии с принципом сыновней почтительности *сяо*. Император как сын Неба является матерью-и-отцом народа, и каждый «благородный муж» в этой космо-био-социальной иерархии одновременно одной стороной сын и другой – отец, или одновременно сын и отец (по модели Лао-цзы, старика-младенца). В структуре имплицитно-эксплицитной взаимо-

оборачиваемости Великого Предела – двух тайн дао-пути: постоянного дао и дао в конечной форме – выражает себя процесс расширения до определенного предела, возвращающего этот путь вспять к истоку, всякий раз, когда конечные формы, разбегаюсь в бесконечность под действием отталкивающих сил, вырвавшихся на свободу, требуют сборки для удержания постоянного порядка вещей в своих непосредственных границах, и путём пересборки черпая силы для нового всплеска и развития. Всякий раз как выделяется исключение (конечность) возникает восстановление (единство).

Габитус, понятый Бурдьё [3] как результат интериоризации социальных структур в целостную систему прочных предрасположенностей индивида, имеющих неосознанный характер, обеспечивает воспроизводство самой структуры и ее особую изменчивость, где человек является функцией воспроизводства системы как таковой с тем запасом возможностей, которые эта система допускает. Животные исполнены инстинктами как нитями, связывающими их с пространством. Человек, отказавший природе в детерминации и нашедший в ней лазейки для ускользания из-под ее гнёта, создаёт культурное пространство, в котором ценности, нормативы и информация (знания), хоть и менее жёсткие, чем инстинкты, становятся саморегулирующими принципами стабильности системы.

Животное существует непосредственно в пространстве. Само по себе, будучи системой внутри себя, оно ограничено средой не более, чем границами собственных частей, будучи частью внешней системы и составляя вместе с ней единый живой организм (биосферу). Так, греки представляли себе Космос – как единый живой универсум.

Свойством *пространства человеческого* является способность себя расширять, вочеловечивая безличный предметный мир и опредмечивая свой собственный – по мере расширения актором пространства подручного бытия. У человека есть воля, помимо воли любого живого организма к выживанию. Но воля, превышающая градиент необходимого – творческая воля, побуждает к вопросу: а что будет происходить, если я сделаю *так*!?

Животное адаптируется к окружающей среде в борьбе за выживание, подчинено ей, его воля знает границу необходимого, очерченную другой волей в силу присущей в соответствии с ее проявлениями природе. Но если внешний актор превышающего градиента силы истребит всех волков в округе, то парнокопытные начнут усиленно и бесконтрольно размножаться, механизм сдерживания выпадает из системы, возникает разрыв со-размерности, а значит

парнокопытные съедают всю траву в местах своего обитания у реки, и та в конце концов пересохнет, лишая их самих влаги.

Нужен сильный фактор, внешний относительно сложившейся системы, чтобы изменить экологический вектор в этой предустановленной гармонии. Человек изобретёт новое вещество из подручных элементов – пластик, из которого сделают множество экономически выгодных, а потому неограниченных, по сути, вечных, вещей, и они будут плавать в мировом океане огромными всевозрастающими островами вечных отходов, пока кто-то не придумает, как утилизировать их.

Человеческая воля запускает процесс, который саморазвивается согласно внутренней необходимости конфигурирования себя по тем законам неограниченного расширения, пока не встретит преграду. Человек в пространстве изначального, изнутри него самого, выдувает как стеклодув собственное бытие, состоящее из элементов наличествующего. Он разворачивает из Себя-свёрнутого-в-пространстве – Себя-вот-бытия, которое можно показать как конечное, но всегда хочется указать как окончательное.

За пределами пространства, за «горизонтом событий» сокрыто недостижимое. Но поскольку человек определяет свои границы сам (знает, когда надо остановиться, как художник знает, когда поставить последнюю точку), то по факту своего предела, по факту ограниченности всего, что существует индивидуального, а значит, по факту внутренней системы контроля, знающей в определённый момент свой предел, человек *внезапно* постулирует нечто запретельное и продолжающее неограниченно расширяться как самоконструирующаяся реальность невозможного, саморасширяющееся пространство, в котором нет границ, пространство, которое *больше суммы своих частей*. Это результирующая особенность творческой воли – сомкнувшись в предел, перейти на другой уровень корреляции, сбросить, как рычаг печатной машинки (enter компьютера) сбрасывает строку.

Сознание человека удваивает реальность и не может ее не удваивать в силу своей новой природы: живя в одной реальности – физической, конструируется реальность метафизическая – дополнительный резерв выживания, компенсирующий безрассудство творческой воли и саморазрушения, «держачий в узде энергию вдохновения» (Ницше). В метафизической реальности – источник способности к самоограничению (от аскетизма до минимализма), но одновременно не заглушенный источник творческой потенции,

[60] разворачивающей вечное колесо, чтобы когда-то «несбывшееся – воплотить» (А. Блок). Этот метафизический резерв имеет физические основания, предполагают некоторые, не чураясь картезианских «лавров» разрешения психофизической проблемы в пересечениях шишковидной железы (однако в структуре мозга специального отдела для сознания не находят).

Итак, за пределами своего пространства человеческое внезапно пересобирает пространство в трансцендентное (модель) – сначала как неизведанную землю, улучшенный аналог собственной (Атлантида), затем – как метафизическую область, непреходящую и вечную субстанцию (сущность умопостигаемого мира), потом – как виртуальное пространство, исполняющее все желания (симуляция, фантазмы), где ковер-самолёт как бы из выдуманной сказки на другом уровне корреляции собирается в самолет-машину¹. Все *неназванное* отсутствует².

По Пармениду, *мысль тождественна бытию*, она определяет сущее, а небытия нет. Есть лишь пролонгация уже названного в слове ОПРЕДЕЛенного конечного бытия как бесконечного в границах конечного³. Это стрела Зенона, выпущенная в бесконечность, когда конечное тиражируется покадрово, как в киноленте, при помощи специального механизма создавая иллюзию движения со скоростью 24 кадра в сек. (адаптированный предел, в котором мы можем воспринять *устойчивую картинку* в потоке дискретного времени при помощи сенсорного аппарата, синхронно настроенного умелым механиком так, что мы не замечаем самого потока, поток мы замечаем, например, в немом кино). Какой механик запускает поток времени, показывая нам на экране пещеры тени вещей? Но если

¹ К. Э. Циолковский утверждал, что мысль, высказанная когда-то и кажущаяся фантастической, будет воплощена, а значит понята, поскольку возникнуть ниоткуда, взяться «просто так», не могла – мысль тождественна сущему, а сущее вечно. Она постигается из хадала, всплывая на поверхность в разных модификациях, но всегда отсылает к себе самой как идеи.

² Одно, непрерывное...

Как и откуда оно выросло? Из не-сущего [«того, чего нет»]?

Этого я не разрешу

Тебе высказывать или мыслить, ибо нельзя ни высказать, ни помыслить:

«Не есть» ...

< ... >

Каким образом то, что есть [-сущее-сейчас], могло бы быть потом?

Каким образом оно могло бы быть-в-прошлом [или: «стать»]?

Если оно «было» [или: «стало»], то оно не есть, равно как если ему [лишь] некогда предстоит быть.

Так рождение угасло и гибель пропала без вести.

< ... >

Одно и то же – мышление и то, о чем мысль,

Ибо без сущего, о котором она высказана,

Тебе не найти мышления. Ибо нет и не будет ничего,

Кроме сущего [12, с. 290–291].

³ Барнет замечает: «Смысл, как я думаю, таков: “Не может быть мысли соответствующей названию, если это название не есть название чего-либо реального» [10, с. 85].

мы посмотрим на киноплёнку саму по себе, без приведения ее в движение, различая отдельные кадры нарезанной отрезками стрелы, из которых и состоит ее поток, как серия размноженных семулякров, то стрела будет покоиться в каждый отдельный момент времени. Поток как дискретность (зернистость) пространства остаётся незамеченным, как его квантовая структура. Лишь феномены, как фотоны, себя манифестируют. Так же мысль схватывает объект и удерживает его, вырывая из потока времени и останавливая, чтобы сохранить и созерцать его форму, чтобы связать его с другими объектами, чтобы выстроить в композицию таких последовательностей и структур, которые выразили бы смысл происходившего со-бытия.

Но конфигурация потока времени-пространства не останавливается, продолжая двигаться. Возвращаясь в него, исследователь уже не может оставить извлечённый феноменальный объект, который произвёл на него сильное впечатление, впечатан в текст, пробудил мысль; теперь этот объект должен попасть в другой контекст. Внедряясь в поток времени-пространства, феноменальный объект изменяет сам поток и становится его системообразующим элементом: вокруг него группируются элементы потока, который он сам структурирует. В своём обретенном Начале (творческом Большом взрыве, вырвавшемся на поверхность из глубины хадала) и в Конце, свертывая сущность коллапсирующей предметности, человек требует возвращения к себе самому: к источнику той реальности, которая больше его самого – к своему со-знанию.

Все эти выделенные геометрические конструкты: линия, параллельные линии, разворачивающаяся и сворачивающаяся воронкообразная спираль, произвольно взятая точка начала и конца, в платоновской иерархии расположенные между идеями и копиями и копиями копий в мимесисе, обеспечивающем повторение, – присутствуют все как составляющие в растительной метафоре (ризоме) и могут быть вычленены, как из хаоса космос. Хаосмос ризомы это воплощение множественных, хаотично переплетённых и запутанных лабиринтообразных, неиерархизированных, нелинейных типов связей.

Растительной метафорой является *Дерево* как образ мира, укоренённого в глубине почвы и устремлённого на поверхность земли генеалогическим стволom и кроной. Его корни и крона симметричны друг другу так, что мифологический герой, поднимаясь по стволу вверх, вдруг оказывается внизу, у корневища – подземного видоизменённого стебля «с тысячью отростков», отмирающих

[62]

и отрастающих заново побегов, не имеющих закрытой корневой системы и порождающих множество других отростков и побегов. Такая картина мира отличается отсутствием единых смысловых центров, заменяющихся множественными альянсами, и характеризуется фрактальной структурой, представляющей собой нечто подобное делезовскому шизопотоку:

«Мы будем говорить об абсолютном пределе всякий раз, когда шизопоток будут преодолевать стену, будут смешивать все коды и детерриторизовать социус: тело без органов – это детерриторизованный социус, пустыня, по которой текут раскодрованные потоки желания, конец мира, апокалипсис» [6, с. 278].

Фрактальная структура нелинейна (линия ломана), обладает свойством самоподобия, т. е. состоит из таких фрагментов, структурный мотив которых повторяется при изменении масштаба. В определенном смысле часть структуры устроена так же, как вся структура, взятая в целом, наподобие ожерелья Будды, где каждый встроенный в него драгоценный камень отражает в себе все ожерелье целиком. Созвучно этому, Николай Кузанский предугадал Вселенную как иерархию вложенных структур без центра или какой-либо границы [1, с. 19–20]. Как утверждал Лейбниц: «Всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений и пруда, полного рыб. Но каждая вещь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад или такой же пруд» [8, с. 425]. Тот же смысл содержит и фрактальная гипотеза эволюции:

«Весьма вероятно, что мозг столь сложен при столь малом числе генов потому, что в генах записаны не его связи, а параметры фракталообразующих правил онтогенеза. Возможно, что дробная размерность позволяет фракталу служить связью структур несоизмеримых. Так, тело наше трёхмерно, а пронизывающие его капилляры можно считать одномерными нитями. Как подвести кровь к каждой клетке трехмерного тела посредством одномерных нитей? С помощью фрактальной сети сосудов, имеющей размерность между двумя и тремя, и капилляров, имеющих размерность между единицей и двойкой. Можно сказать более общо: процесс заполнения пространства подпространствами (фрактальный рост) даёт природе возможность устанавливать связи между пространствами разных размерностей. В частности – между физиологическими, морфологическими и экологическими процессами. В системе кровеносных сосудов можно видеть и сращение двух ветвящихся фракталов (артериального и венозного), и новый тип фрактала – сеть, где важны не ветвление, не изломы и не разрывы, а переплетения» [14, с. 342].

В целом, реципиент Делеза, как и читатель Р. Барта выхватывает из потока собственный набор элементов, конструируя конфигурацию, когерентную его бытию. Он видит в потоке то, что в состоянии увидеть, а в состоянии увидеть только то, что синхронизируется с ним самим: его конфигуративные элементы потока сознания как

просветы внутреннего развёртывания перфокарты механизма развития цепляются за подобные и соответствующие им шестерёнки внешней границы мира, установленной им самим в момент взрыва-реакции и выброса определенного количества информации, которая работает до тех пор, пока не истощится энергия вброса. Во внешнем мире реципиент видит своё собственное отражение, выдавая свою модель за тот мир, который его окружает, тем более, что этот мир даёт выборку бесчисленных предложений, не зная того, что может читать книгу своего собственного бытия с любой точки развёртывания. Однако, когда человек *знает* об этом, он находит себя соизмеримым пространству, – не в котором находится, а соизмеримой частью самого пространства, которое его составляет среди прочих других. Где здесь место трансцендентному, которое мы называли метафизическим резервом собственного сознания?

«В ризомах, ризоматических прорастаниях в корнях существуют узлы древовидного разветвления. Более того, есть деспотические формации, имманентности и канализирования, присущие ризомам. Есть анархические деформации в трансцендентной системе деревьев, надземных корней и подземных стеблей. Важно, что дерево-корень и ризома-канал не противопоставляются как две модели – одна действует подобно трансцендентным модели и калке, даже если она порождает свои собственные ускользания; другая действует как имманентный процесс, опрокидывающий модель и намечающий карту, даже если она конституирует свои собственные иерархии, даже если она создает деспотический канал» [7, с. 36].

К хаосмосу ризомы, как к хадальной структуре можно приложить код: Н. Хомский показал, что последовательное предугадывание речи подчиняется не законам вероятности, а правилам грамматики, которые являются врожденными и универсальными [13], т. е. уже вписанными в мозг (к прискорбью Локка и на радость Декарту). Обратимся к проблеме: мозг и сознание. Что же из себя представляет мозг?

«Мысль не древовидна, мозг не является ни разветвленной, ни укорененной материей. То, что мы неверно называем "дендритами" [греч. дерево], не обеспечивает связи нейронов в непрерывной ткани. Прерывистость клеток, роль аксонов, функционирование синапсов, существование синаптических микро-расселин, перескакивание каждого сообщения поверх этих расселин образуют из мозга множественность, которая омывает – в своем плане консистенции или своей глии – всю неопределенную вероятностную систему, *uncertain nervous system*». У многих людей в голове сидит дерево, но сам мозг – это скорее некая трава, нежели дерево. «Аксон и дендрит обвиваются один вокруг другого как вьюнок вокруг колючего кустарника, с синапсом на каждом шипе» [7, с. 27].

Неделимое сознание создается тысячами относительно независимых единиц, или модулей¹. Но его неделимость ограничена работающими интегративными структурами, консолидирующими отобранную информацию, а не всем мозгом. Модули представляют собой обособленные и зачастую локализуемые нейронные сети, выполняющие специфические задачи. Модульная структура мозга доказывается многочисленными обследованиями пациентов с различными поражениями. Если страдают некоторые ограниченные области мозга, то отдельные когнитивные способности могут ухудшиться из-за прекращения работы ответственной за них нейронной сети, в то время как другие сохраняются и будут по-прежнему работать и безупречно выполнять свои задачи. При этом сознание пациентов с изменениями в мозге при многих отклонениях кажется абсолютно нормальным. *Этого не было бы, если бы сознаваемый опыт зависел от идеального функционирования всего мозга в целом* [4, с. 131].

Майкл Газзанига, представитель когнитивной нейронауки, изучающий взаимодействие между собой двух полушарий мозга и проводивший исследования после операций по его расщеплению, заключает: оставшееся в одиночестве левое полушарие (половина мозга) почти не уступает по интеллектуальным способностям целому, неповрежденному мозгу [4, с. 141]. А нейробиолог Георг Стридтер, изучающий причины и характер различий, сформировавшихся у разных видов в ходе эволюции мозга, полагает, что размеры мозга увеличиваются с соблюдением определенных законов, регулирующих внутренние связи [4, с. 15]. Прежде всего, по мере увеличения мозга, количество связей, соединяющих один нейрон с другими, в среднем не меняется. Напротив, в абсолютном отношении число нейронных связей сохраняется, благодаря чему – в плане энергозатрат и пространства – рост мозга становится более управляемым. Однако это означает, что с увеличением размеров мозга связанность частей структуры в целом сокращается. Сокращение связанности подразумевает более высокую автономность процессов. Более того, лишившись доступа к половине коры мозга, левое полушарие по-прежнему говорит и думает как ни в чем не бывало. Что еще более важно, после разъединения двух полушарий тут же образуется вторая, тоже независимая система сознания. Теперь правое полу-

¹ Это не единственная модульная биологическая система. Из модулей состоят мозги червя, мухи и кошки, а также сосудистая система, сети межбелковых взаимодействий и регуляции экспрессии генов, метаболическая система и наши социальные сети [4].

шарие успешно продолжает работу, без оглядки на левое, со своими собственными возможностями, желаниями, целями, важными знаниями и чувствами. Из одной разделенной пополам нейронной сети получаются две системы сознания [4, с. 164–165].

У людей много высоко развитых интегрированных модулей, – продолжает М. Газзанига, – и это позволяет мыслить отвлеченными понятиями, объединяя информацию из разных модулей. Сознание можно рассматривать как проявление активности множества модулей. Мозг активен всегда, и внешние сигналы могут лишь влиять на характер его постоянной активности (сопоставим с зернистым квантовым пространством, которое постоянно «дрожит»).

«На предельно малых масштабах пространство представляет собой флуктуирующий рой квантов гравитации, которые воздействуют друг на друга и вместе влияют на вещи, проявляя себя в этих взаимодействиях как спиновые сети, как связанные друг с другом зерна» [4, с. 233–234].

Д. Хебб исходил из предположения о способности многих нейронов кооперироваться с образованием единого процессорного элемента. Схемы объединения могут меняться и задавать алгоритмы, которые определяют реакцию мозга на раздражители; алгоритмы тоже могут меняться в зависимости от изменения нейронных групп: нейроны, возбуждающиеся вместе, связаны [4, с. 99]. Обработка информации в мозге осуществляется по соревновательному принципу. Каждый из разнообразных конкурирующих процессов осуществляется своим модулем. Поскольку электрическая активность модулей меняется каждое мгновение, меняется и вклад модулей в сознательный опыт. Суть в том, что выигрывает соревнование самый «активный» модуль, и переживаемый опыт индивида – его «состояние» в данный момент времени – определяется информацией, обработанной этим модулем. В каждый момент времени самый сильный при сложившихся внешних и внутренних условиях аспект когнитивной деятельности, самая главная, доминирующая, «захватывающая» тема становится текущим сознательным опытом.

Для описания модульной структуры мозга используется принятая в технике иерархическая архитектура, когда сложная система эффективно и органично работает как единое целое, начиная от атомов, молекул, клеток и цепей и заканчивая когнитивными и перцептивными функциями. Если мозг действительно состоит из различных уровней (тех, что подразумеваются в технике), то информация с микроуровня может шаг за шагом интегрироваться в вышележащие уровни – вплоть до тех, на которых каждый модуль-

[66]

ный элемент продуцирует сознание. Иерархическая архитектура позволяет создавать новые уровни функционирования из низлежащих активных структур, которые сами по себе не способны создать опыт более высокого уровня [4, с. 167–168]. При многоуровневой архитектуре все процессы выполняются одновременно («параллельно»).

После выводов М. Планка и рождения квантовой механики и статистической точки зрения на причинно-следственные связи, наряду с существующим детерминизмом ньютоновской классической физики сформировалось представление, что микро- и макроскопические системы ведут себя по-разному, значит существуют два слоя реальности, каждый со своим устройством, и два объяснения поведения материи. Как и в любой сложной системе, каждый слой имеет свой протокол – на атомном уровне действуют статистические законы, а более крупные системы функционируют так, как описывал Ньютон. Свет имеет двойственную природу и может вести себя и как поток частиц, и как волны, что справедливо и для вещества: электроны обладают свойствами волн и частиц. Физики согласились с тем, что объекты макромира (стол, например), которые мы воспринимаем цельно-континуально, а не как огромное множество дискретных атомов, – это результат смоделированного остановленного процесса в «по существу своему прерывном мире» (Иоганн фон Нейман) [9].

Устойчивая картинка возникает как на движущейся киноленте-иллюзии, стоит только остановить ленту, и мы сразу видим отдельные кадры-кванты потока. Все зависит от наблюдателя: что он фиксирует – поток частиц или волн. Устойчивость стола – это иллюзия, созданная мозгом репрезентация, позволяющая с учетом разницы (относительности) скоростей координировать в сознании пространственно-временную вероятность события (неопределённость) корпускулярно-волновых элементов «подлежащего» одного уровня с феноменами определенно-отобранного состояния «сказуемого» другого, поскольку человек существует одновременно в двух мирах – микро- и макромире, конструируя реальность и узнавая конструкцию.

Это даёт право с полной уверенностью сказать: виртуальный объект существует! Современные электронные технологии позволяют не просто «держат в уме» эти объекты и их потоки, а закреплять их на материальных носителях, что, впрочем, не мешало раньше проделывать то же самое в изобразительном искусстве, литературе, кинематографе и политике. Это всего лишь разные средства, с помощью которых мозг информацию овеществляет в символы

и продуцирует последовательности, начиная с пещерных рисунков, клинописи, иероглифов и заканчивая медиа, виртуальными очками и шлемом дополненной реальности – с той только разницей, что литература и искусство требуют от реципиента определённой силы воображения и «жизненного опыта», чтобы суметь расшифровать письма Другого или найти и ограничить себя в тексте без авторства, а сконструированное технически виртуальное пространство навязчиво моделирует реальность с однозначными реакциями на неё, поскольку действует хоть и опосредованно, но напрямую. Находясь в комнате с условно нарисованными декорациями многоэтажек, выдержанных в черно-белых тонах, в очках дополненной реальности, ты оказываешься где-то очень высоко на крышах, и если ты боишься высоты, реальный страх охватывает тебя, ты хватаешься руками за воздух и никакие спасительные отговорки, что это всего лишь кино или роман, которые произвели на тебя столь сильное впечатление, а на самом деле все не так-то уж и плохо, тебя не защищают... Все это влечет за собой далеко идущие последствия.

Н. Бор изменил концепцию классической «объективности»: наблюдателя невозможно отделить от наблюдаемой системы. Наблюдатель, будучи непосредственной частью системы, не может быть удалён, очищая «объективный мир» от собственного «прочтения». Чтобы посмотреть на мир как таковой, «непредвзято», необходимо уничтожить наблюдателя. Тогда, если мы уничтожим себя, кто будет свидетельствовать о состоянии мира?

Выводы

Со-бытием конструируется двояким образом: входящий сигнал участия прочитывается и включает сигнал исходящего отклика, т. е. происходит *селективное усиление входного сигнала*, запуская событие, смысл которого, будучи закодированным, фенотипически разворачивается в запрограммированные структуры. Однако это не детерминированная система, поскольку она, самоопределяясь и будучи с открытым кодом, как живая система должна успешно адаптироваться в среде.

Сознание – пространственно-временная «слепая зона» внутреннего мира, периферия которой, как на пересечённой местности, заполняется предметностью. В сознании предметность связывается вокруг своего главного объекта и удерживает себя некоторое время, чтобы все-таки саморасполагаясь в фоне, ожидать следующего вызова, чтобы вновь конфигурировать определенную картинку, защи-

|68|

щённую от того, чтобы составляющие ее элементы не рассеивались в бесконечность. Удержание происходит всякий раз, когда предметность расширяется настолько, в силу уменьшения энтропии, что связи начинают как слова в предложении распадаться на дискретные части (вспомним синтезированную заумь поэта В. Хлебникова, перекодирующего грамматику), утрачивая континуальность смысла. Чтобы вернулась осознанность, необходим нырок в глубину, чтобы под большим давлением выбросить из зоны хадал на поверхность сознания новую порцию предметности. В этом смысле зона хадал, оставаясь слепой, для осознания себя самой ничего не находит как удваивать реальность, наполняя сознание той же самой, но декодируемой предметностью.

Сознание – это способность конструировать символическую информацию, когда получаемые из разных структур мозга сигналы конфигурируются в определённое целое, что создаёт иллюзию постоянного единства сознания и отсылает к предполагаемому кластеру мозга, как месту, ассоциируемому с сознанием. Однако сознание *везде и нигде*, и в зависимости от выполняемой задачи модули, принимающие участие в решении этой задачи, консолидируются в момент обработки информации, конкурируя между собой с тем, чтобы сформировать произвольно-определённый значимый результат. Это воспринимается как вспышка (структурированный импульс, позиция-импульс), происходит спонтанно, как «Эврика!», и дальше сознание развёртывается в собственной логике, определяющей поведение (или мышление) до тех пор, пока не исчерпает заряд (энергия-время), разрешится катарсическим сценарием или, столкнувшись с ограничением, сформирует эффект отложенного действия, свёртываясь в сегментах памяти (платоновский анамнезис). Свойство памяти таково, что в ней каждый раз перезаписывается информация с поправкой на наличный момент.

Компьютерная метафора продуцирования мозгом сознания неверна, поскольку компьютер работает по законам классической (ньютонской) физики, соблюдая принцип детерминизма. Сознание же, возможно, подчинено принципам квантовой механики и принципу дополнительности, работает с символами и требует кодировщика и декодера, которым само и является, подобно клетке как биосемиотической системе, способной менять свой код, в отличие от компьютера, требующего программиста. Мозг, «подгружается» в свою корпускулярно-волновую «хадальную зону» неопределённости (столкнувшись с проблемой и перерабатывая информацию).

Но в феноменальном сознании, выныривая под сильным давлением, образовавшимся усиленной работой мозговых структур, выбрасывается на поверхность тот определённый смысл, который фиксирует пространственно-временное расположение конфигурирующих элементов.

В этом плане развитие культуры подчиняется тому же принципу: культурный взрыв открывает план нормирования своих форм и их действенный сценарий, культурный герой является программистом, который пишет код с открытой системой (ценностно-регулятивные конструкторы, по которым культура развивается), это дает способность системе меняться. Однако самовоспроизводство и холостое копирование (автоматизация ставших обмерщвленными форм) в ситуации новых вызовов некоторое время продолжается, если не пересмотрен код.

Список литературы

1. Барышев Ю., Теерикорпи П. Фрактальная структура Вселенной. – Нижний Архыз: CAO РАН, 2005. – 396 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
3. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. – СПб.: Алетей, 2001. – 562 с.
4. Газзанига М. Сознание как инстинкт. Загадки мозга: откуда берется психика / пер. с англ. Ю. Плискиной. – М.: АСТ; CORPUS, 2022. – 498 с.
5. Данилевский Н. А. Россия и Европа. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. – 704 с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысячи плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
8. Лейбниц Г.-В. Монадология // Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 412–429.
9. Нейман Д. фон. Математические основы квантовой механики / пер. с нем. – М.: Наука, 1964. – 367 с.
10. Рассел Б. История западной философии / пер. с англ. – Новосибирск: Сиб. унив. из-во, 2007. – 992 с.
11. Ровелли К. Нереальная реальность. Путешествие по квантовой петле / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2020. – 360 с.
12. Фрагменты ранних греческих философов. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – 576 с.
13. Хомский Н. Три модели описания языка // Кибернетический сборник. Вып. 2 / Ершов А. П., Лупанов О. Б. и др. (ред.). – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – С. 237–266.
14. Чайковский Ю. В. Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 726 с.
15. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. – М.: УЗСС: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. – 512 с.
16. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. – М.: Мысль, 1998.

References

1. Baryshev, U., Teerikorpi, P. (2005). *Fraktal'naya struktura vselennoj* [Fractal structure of the universe]. Nizhniy Arkhyz: SAO RAN. 396 p. (In Russian).
2. Bergson, H. (1999). *Tvorcheskaya evolyutsia* [Creative evolution]. Minsk: Harvest. 1408 p. (In Russian).
3. Bourdieu, P. (2001). *Prakticheskij smysl* [Common sense]. Sankt-Peterburg: Aleteya. 562 p. (In Russian).
4. Gazzaniga, M. (2022). *Soznanie kak instinkt* [Consciousness as an instinct]. Moskva: AST; CORPUS. 498 p. (In Russian).
5. Danilevskij, N. A. (2008). *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moskva: TERRA-Knihnyj klub. 704 p. (In Russian).
6. Delyez, Zh. (2010). *Anti-Edip* [Anti-Oedipus]. Ekaterenburg: U-factorya. 672 p. (In Russian).
7. Delyez, Zh. (2010). *Tysyachi plato* [Thousands of plateaus]. Ekaterenburg: U-factorya; Moskva: Astrel'. 895 p. (In Russian).
8. Leibnits, G-V. (1982). *Monadologiya* [Monadologya]. *Sobranie sochinenij v 4 tomakh* [Complete works in 4 vols]. Moskva: Mysl'. pp. 412–429. (In Russian).
9. Neumann, J. von. (1964). *Matematicheskie osnovy kvantovoj mekhaniki* [Mathematical foundations of quantum mechanics]. Moskva: Nauka. 367 p.
10. Russell, B. (2007). *Istoriya zapadnoj filosofii* [History of Western philosophy]. Novosibirsk: Sib. univ. press. 992 p.
11. Rovelli, K. (2020). *Nereal'naya real'nost'. Puteshestvie po kvantovoj petle* [Reality Is not what it seems. The journey to quantum gravity]. Sankt-Peterburg: Piter. 360 p. (In Russian).
12. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. T. 1* (1989). [Fragments of early Greek philosophers. Vol. 1]. Moskva: Mysl'. 576 p.
13. Homsnij, N. (1961). *Tri modeli opisaniya yazyka* [Three models of language description]. *Kiberneticheskij sbornik. Vyp. 2.* [Cybernetic compilation. Is. 2]. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. pp. 237–266.
14. Chajkovskij, Yu. V. (2008). *Aktivnyj svyaznyj mir. Opyt teorii evolyutsii zhizni* [Active connected world. Experience of the theory of the evolution of life]. Moskva: Tovarishestvo nauchnykh izdanij KMK. 726 p.
15. Chalmers, D. (2013). *Soznaushchij um. V poiskakh fundamental'noj teorii* [Conscious mind: in search of a fundamental theory]. Moskva: UZSS; Knizhnyj dom LIBROKOM. 512 p.
16. Shpengler, O. (1998). *Zakat Evropy. V 2 t.* [The sunset of Europe. In 2 vols]. Moskva: Mysl'.

Об авторе

Борисов Олег Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1816-5511, e-mail: o.s.borisov@gmail.com

About the author

Oleg S. Borisov, Dr. Sci (Philos.), professor of the department of philosophy, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-1816-5511, e-mail: o.s.borisov@gmail.com

Поступила в редакцию: 14.06.2022

Received: 14 June 2022

Принята к публикации: 11.07.2022

Accepted: 11 July 2022

Опубликована: 30.09.2022

Published: 30 Sept. 2022